

УДК 811.111

Л.Г. Ефанова

НОРМА МИЛОСЕРДИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Исследуются особенности представления концептов «жалость» и «милосердие» в русской языковой картине мира. Названные понятия, отраженные в семантике русских языковых единиц, рассмотрены в аспекте выражаемых ими сравнительной и нормативной оценок, а также оценки с позиций идеала.

Ключевые слова: *сравнительная оценка, норма, идеал.*

Под словом *милосердие* понимается «готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия, а также сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами» (МАС). В основе обозначенного этим словом отношения лежит эмоция жалости. Целью данной статьи является анализ оценки, лежащей в основании названного переживания, в аспекте причин и условий ее возникновения, а также выявление особенностей отношения к субъекту и объекту жалости и милосердия в русском социуме и описание способов выражения этого отношения в языке.

Слово *жалеть* употребляется в современном русском языке в разных значениях, объединенных указанием на негативный характер эмоций субъекта жалости, возникших в результате оценки им своего собственного состояния, а также положения другого человека или иного живого существа. Чувство жалости представляет собой переживание, вызванное ощущением ущерба (напр.: *жалеть о пропаже денег*) или состраданием (напр.: *пожалеть кого-л.*). О болезненности этого ощущения свидетельствуют как происхождение слова *жалеть*, образованного от того же корня, что *жалить* [1. С. 420], так и синонимы глагола *жалеть* в русском языке: *сострадать*, *соболезновать* (ср. также: *почувствовать укол жалости*). Однако отношение к субъекту жалости со стороны социума может быть различным и зависит от того, какого рода объект вызывает это чувство, а следовательно, и от того, какой тип оценки стоит за названным переживанием.

Жалость представляет собой разновидность ценностного отношения человека к тем или иным явлениям действительности, причем оценка, выражаемая разными употреблениями слова *жалеть*, бывает двух видов: сравнительная и нормативная. При сравнительной оценке, выражаемой этим словом, субъект сравнивает между собой два или более объекта с точки зрения той ценности, которую они для него представляют. Этот вид оценки отражен, например, в русских пословицах: *Либо корму жалеть, либо лошадь; Не жалей алтына – отдашь полтину; Жалеть коня – истомить себя*. Своеобразной разновидностью сравнительной оценки, выражаемой предикативами *жалко* и *жаль*, является сопоставление ценности объекта, находящегося в собственности субъекта, с физическими возможностями обладателя, напр.: *Яства много, да брюха жаль; Съесть не могу, а покинуть жаль; Горе наше гречневая каша: есть не хочется, а покинуть жаль*.

Другой вид сравнительной оценки, лежащей в основе жалости, имеет место в ситуации утраты субъектом чего-либо ценного или отсутствия у него желаемого объекта. Причиной, вызывающей чувство жалости, становятся в данном случае результаты сравнительной оценки субъектом двух ситуаций: ситуации возможного обладания желаемым объектом и реальной ситуации его отсутствия (напр.: *жалеть о пропаже*; *жалко потраченного времени*). Переживания субъекта сожаления в этом случае воспринимаются с сочувствием в русском социуме, считающем бережливость и даже скупость более предпочтительными, чем расточительность, в которой приходится раскаиваться: *Лучше скуповато, чем мотовато*; *Скуп не глуп: себе добра хочет*; *Лучше поскупиться, чем промотаться*; *Лучше свое побереечь, чем чужое прожить*.

Иное отношение вызывают переживания субъекта, который *жалеет* чего-либо для кого-то. В основе этой ситуации также лежит сравнительная оценка, производимая субъектом жалости, но предметом оценки становится в данном случае соотношение между объектом, находящимся в собственности субъекта и потому воспринимаемым им как часть самого себя, и другим человеком. Причиной негативного отношения к субъекту жалости со стороны социума является в данном случае тот факт, что субъект признает большую ценность за собой (или объектом, находящимся в его собственности), чем за другим человеком, нуждающимся в данном объекте, и потому *жадничает*, *скупится*. С точки зрения членов русского социума, такой результат сравнительной оценки отражает отсутствие симпатии субъекта жалости к другому человеку, нелюбовь к нему. Напротив, *для милого не жаль потерять многого*; *ради милого и себя не жаль*.

Оценочный характер отношения, обозначенного словом *жалеть*, объясняет причины того, что в русских говорах выражение *Мне его жалко* может означать и «я жалею его, сожалею о нем, соболезную участи его» и «я люблю, берегу, холю, отстаиваю его» [2. Т. 1. С. 525]. Чувство любви, как и чувство жалости к другому человеку, предполагает, что их субъект осуществляет выбор в пользу другого на основании результатов сравнительной оценки. Хотя эта оценка делается не всегда осознанно, ее итогом становится выбор в пользу объекта чувства, а нередко и готовность пожертвовать ради него своими интересами.

Отношение, обозначенное словом *жалеть*, может основываться не только на сравнительной, но и на нормативной оценке. Этот тип оценки выражается в тех случаях, когда глагол *жалеть* и его синонимы используются для обозначения чувства сострадания, например: *пожалеть бездомного*, *сочувствовать чьему-л. горю*; *выражать соболезнования*. Причиной возникновения этого переживания является несоответствие положения или состояния объекта оценки тем представлениям о норме, которые имеются у ее субъекта, ущербность, обездоленность, которая проявляется в отсутствии у названного объекта того, чем должны обладать все объекты данного рода. Как правило, эта ущербность находит выражение в материальной или физической (реже – в интеллектуально-психологической) недостаточности объекта оценки, в отсутствии у него средств, способностей или возможностей, необходимых для полноценного существования в данных условиях. О том, что причиной жало-

сти является в данном случае несоответствие объекта оценки норме, а не его жалобы как призыв к сочувствию, свидетельствует тот факт, что, например, человек, жалующийся на недомогание, но объективно здоровый, вызывает у субъекта оценки не сострадание, а презрение. Напротив, существо, не отвечающее по своему состоянию или положению требованиям нормы, но не знающее об этом, может вызвать у субъекта нормы жалость. В качестве примера опишем случай из жизни русской деревни 20-х гг. XX в.

Молодой атеист-богоборец, желая убедить местного священника в том, что Бога нет, долго грозил небу кулаком, плевал вверх, ругался и богохульствовал. Священник смотрел на это с грустью, но без гнева.

– Где же твой Бог? Почему он меня не наказывает? – спросил у священника атеист.

– Да как же тебя больше-то накажешь! – с **жалостью** ответил ему батюшка.

Объектом жалости может быть и сам субъект этого чувства. В том случае, если субъект жалости жалеет себя самого, это означает, что он считает собственное положение или состояние не соответствующим норме. Одной из форм проявления жалости к себе является *жалоба*. Жалоба – это естественная реакция человека на не соответствующее норме собственное положение или состояние. Целью жалобы является улучшение положения или состояния (в том числе и душевного) ее субъекта за счет сочувствия, моральной поддержки или деятельной помощи слушателя. Однако отношение к жалобам и жалобщикам в обществе может быть различным.

Жалобы человека на собственное неблагополучие могут быть восприняты в русском социуме не только с сочувствием, но и равнодушно и даже негативно. Слушатель может испытать сочувствие к субъекту жалобы только в том случае, если их представления о нормальном для данного субъекта положении дел, а также о степени несоответствия норме реального состояния этого субъекта совпадают, что является необходимым условием соответствия результатов осуществляемой ими оценки этого положения.

Напротив, отрицательную оценку со стороны адресата вызывает жалоба, которая представляется ему необоснованной, преувеличенной или чрезмерно многословной, что дает основание считать субъект жалобы «нестойким, слабым или склонным к жалостливому эгоцентризму человеком» [3. С. 99–100]. Такое поведение субъекта жалобы обозначается в русском языке словами *плакаться, ныть, хныкать, скулить*. Ироническое отношение могут вызвать у слушателей постоянно повторяющиеся жалобы со стороны людей, назойливо требующих сочувствия. Как правило, эти люди либо не нуждаются в помощи, либо обращаются за ней к тем, кто не может эту помощь оказать, поэтому такого рода жалобы не получают отклика: *Жаловался всем, да никто не слушает*. Для обозначения таких жалоб в книжной речи используется слово *ламентации*, напр.: *Обыкновенно, когда мои клиенты начинают разливать в лamentsиях, я эту часть... стараюсь сократить: особенно дамы любят плакаться; Это обычные лamentsии Никиты Ивановича, все к ним привыкли, и никто не верит, что он уйдет* (А.С. Серафимович). Отсутствие у

слова *ламентации* форм единственного числа подчеркивает повторяющийся и однообразный характер обозначенных им действий.

Русский речевой этикет требует воздерживаться от многословных и излишне эмоциональных жалоб и рекомендует смягчать производимое ими впечатление выражением самоиронии или извинениями со стороны жалующегося. Для обозначения ироничного отношения к жалобе иногда употребляется книжное слово *иеремиада*, образованное от имени пророка Иеремии, оплакивавшего падение Иерусалима. Как правило, это слово используется в речи самого субъекта жалобы для выражения иронии к собственным словам, напр.: *Но кончаю эту иеремиаду, извиняюсь перед читателями, что так распространился о терниях, которые на пути своем встречает музыкальный рецензент* (П.И. Чайковский); *Мы изливаем целые иеремиады, негодуем, грустим, что наши смутные представления о «деревенском рае» не оправдались* (Н.Н. Златовратский).

Жалоба может содержать обвинения (*пени*) в адрес того, кто или что стало ее причиной. В этом случае более предпочтительным для субъекта жалобы считается высказать упрек непосредственно виновнику недовольства (*пенять кому*), чем жаловаться на него другим (*пенять на кого, что*). Если человек жалуется на свое не соответствующее норме положение, в котором оказался по собственной вине, проигнорировав чьи-либо советы и предупреждения, он не вправе требовать сочувствия и может получить ответ: *Пеняй на себя*. Однако наиболее негативно оцениваются в русском социуме жалобы, имеющие цель использовать чью-либо власть для наказания третьего лица, особенно если субъект жалобы надеется таким образом улучшить свое собственное положение. Отрицательная оценка такого поведения отражена в глаголах *наушничать, ябедничать, фискалить* и *фискальничать, капать, кляузничать, доносить, стучать на кого-л.*

Гораздо менее многочисленна группа глаголов, выражающих нейтральную оценку жалобы и жалобщика: *жаловаться, сетовать, роптать*. Эти слова применимы к тем ситуациям, когда субъект жалобы испытывает трудности из-за несоответствия своего положения или состояния норме, но отличаются некоторыми особенностями отраженного в них положения дел. Так, *жалоба* обычно содержит указания на конкретные отклонения от нормы в жизни ее субъекта, а также на причины этих отклонений, напр.: *жаловаться на слабое здоровье (на плохую память, на обидчика)*, *сетовать* же означает «высказывать сожаление и огорчение по поводу чего-л.» [4. Т. 1. С. 328], напр.: *горько сетовать на судьбу; сетовать на то, что зря потратил время* и т.д. В отличие от сетования, субъект которого «не ставит цели изменить положение дел своим высказыванием» [3. С. 99], *ропот* выражает протест против создавшегося положения. Как правило, это положение представляет собой крайнюю степень отклонения от нормы в жизни субъекта. «Человек начинает роптать, когда его жизненные условия или положение воспринимаются им как невыносимые, когда он устает терпеть» (Там же). Если жалобы субъекта обоснованны, естественной реакцией на них адресата является сочувствие, сострадание или участие как формы бескорыстного сопереживания другому человеку.

Ситуация, обозначенная глаголом *жалеть*, отражает одну из разновидностей ценностного отношения человека к миру. Вместе с тем сама эта ситуация в целом и ее участники могут быть подвергнуты нормативной оценке со стороны социума. Так, в частности, объект такой оценки обозначается словами *жалкий*, *плачевный*, *достойный сострадания (сожаления)* и т.д. Однако в случаях, когда объектом жалости является человек, правила речевого этикета не рекомендуют выражать оценку его положения непосредственно, поскольку жалость «указывает на слабость или беспомощность объекта чувства», а обозначающие это чувство слова «легко приобретают оттенок унизительности, оскорбительности для человека (ср. слово *жалкий*, в котором эта оценка входит непосредственно в значение)» [3. С. 110].

Нормативной оценке со стороны социума может быть подвергнут не только объект, но и субъект жалости. При этом норма предписывает каждому члену социума проявлять сочувствие к страдающим и снисхождение к тем, кто заслуживает наказания. О том, что такое поведение воспринимается в русском социуме именно как норма, свидетельствует употребление для того, чтобы обозначить отклонения от нее, имен некомплектных объектов, напр.: *безжалостный*, *беспощадный*, *бесчеловечный*. Имена некомплектных объектов «используются в тех случаях, когда имеют место отклонения от нормы» [5. С. 82], проявляющиеся в отсутствии у объекта какого-либо из его обязательных атрибутов. С этой точки зрения способность испытывать жалость и умение щадить виноватого являются такими же обязательными свойствами человека, как наличие совести и здравого смысла (ср.: *безжалостный* и *бессовестный*, *бессердечный* и *безумный*). Названная способность может проявляться у разных людей в разной степени, поэтому существуют *жалостливые*, *сострадательные*, *милосердные*, *сердобольные*, но также и *беспощадные*, *жесткие* люди.

Антонимами слова *жалость* в современном русском языке считаются слова *равнодушие* и *злорадство* [3. С. 112]. Вместе с тем неспособность испытывать жалость к кому-либо отождествляется с жестокостью и насилием, т.е. прямыми и явными проявлениями зла (ср.: *безжалостный* и *жестокый*, *бесчеловечный* и *немилосердный*) и воспринимаются в русском социуме не только как отклонение от нормы, но и как патология – отсутствие у человека души, сердца (напр.: *бедушный*, *бессердечный*).

Представления о сердце как об особом «органе жалости» (ср.: *милосердный*, *сердобольный*) обусловлены, возможно, неконтролируемостью этого переживания и его связью с телесными ощущениями. Это чувство способно *охватить*, *захлестнуть*, *сжать сердце* и т.п. Причины жалости не всегда поддаются рациональному объяснению. Мы полагаем, что неконтролируемость, а иногда и иррациональность чувства жалости обусловлены его связью не только с рационально выделенной нормой, но и с более глубоко укорененным в сознании человека идеалом добра.

В отличие от нормы, которую можно наблюдать и анализировать, этический идеал определяется часто на основе интуиции. Так, для моральной интуиции, одним из проявлений которой является жалость, «характерны непосредственная очевидность и неосознанность ведущего к ней пути». Вследствие этого «результаты «непосредственного морального видения» обычно ка-

жутся ожидаемыми и само собою разумеющимися» [6. С. 228]. Этический идеал добра противопоставлен существующим в мире страданиям, слабости и другим проявлениям несовершенства. Поэтому жалость могут вызвать не только факты, представляющие собой отклонения от нормы, но и естественные, однако противоречащие идеалу явления, например слепота котенка, беззащитность ребенка, немощность старика. Эта реакция помогает раскрыть еще одно различие между нормой и идеалом.

Свойством всех действующих в обществе норм является то, что их нарушитель может быть подвергнут определенной санкции, или наказанию, в широком смысле слова [6. С. 167]. Например, санкцией за нарушение этических норм является порицание со стороны социума, а также угрызения совести, заставляющие человека изменить свое поведение или устранить причиненное им зло. Несоответствие положения того или иного объекта идеалу добра вызывает не менее тягостное, чем угрызения совести, ощущение жалости у того, кто наблюдает это положение. Хотя субъект жалости не причастен к нарушению этого идеала и может быть невиновным в страданиях другого, названный «субъект ощущает от этого душевную боль и желание облегчить его положение» [3. С. 107]. Таким образом, воздействие идеала, как и функция нормы, заключается в том, чтобы, вызвав у их носителя ощущение дискомфорта, тем самым заставить его исправить не соответствующее норме положение дел. Однако в отличие от нормы, вынуждающей к исправлению ситуации самого ее нарушителя, идеал побуждает к действию не того, кто, не разделяя этого идеала, действует вразрез с ним, но, напротив, носителя идеала.

Чувство сострадания, вызванное несоответствием положения его объекта идеалу добра, может вызвать у субъекта желание исправить это положение, например оказать помощь нуждающемуся. Вместе с тем недостижимость идеала добра и неконтролируемость эмоции жалости не предполагают в них свойственных норме способностей предписывать человеку тот или иной тип поведения, следовательно, оказание помощи каждому объекту жалости не является для ее субъекта обязательным. Это различие, а также противоречие между идеальным характером эмоционального переживания и его реализацией в действительности отмечено в русских поговорках: *Слезами горю не поможешь; Жалью горя не избуешь, веку не изживешь*. Разрешению противоречия между идеальной эмоцией жалости и реальной возможностью оказать помощь ее объекту способствует этическая н о р м а м и л о с е р д и я, которая предписывает каждому человеку помогать всем, кто в этом нуждается. «Истинное милосердие деловито. Оно помогает не только в чувствах и намерениях, но — сейчас же тут, на этой земле» [7. С. 30].

Эмоциональное участие и деятельная помощь являются необходимыми компонентами нормы милосердия. Отсутствие хотя бы одного из них становится причиной несоответствия чьего-либо поведения этой норме. «В движении милосердия есть две прямо противоположные опасные тенденции: сердечное, кажется, переживание, но без малейшей попытки помочь, и здесь просматривается сентиментальное лицемерие; и конкретные дела «по долгу», но с холодным сердцем, и здесь виден тот нравственный формализм, который бесполезен для дающего и оскорбителен для берущего» [8. С. 280]. Обе разновидности нарушения нормы нашли отражение в русских пословицах и по-

говорках, ср.: *От жалости нет плакать стать; Жаль, жаль, а пособить нечем и На милость образца нет; Милость велика, да не стоит и лыка; Вот тебе, убоже, что нам негоже.*

Становлению этической нормы милосердия русская культура обязана христианству. Именно христианство представило жалость и деятельное участие в помощи ближнему как проявление любви, и именно благодаря христианской литературе в русский язык вошло слово *милосердие*, в котором нашла отражение связь между чувством любви и жалостью. Соблюдать требования нормы милосердия православного человека побуждает, с одной стороны, надежда на воздаяние от Бога, обещавшего, что *Рука дающего не оскудеет; Кто добро творит, тому Бог оплатит* (ср. также: *Доброхотна даятеля любит Бог; Милостивому человеку и Бог подает*), и страх перед наказанием (*На немилостивых ад стоит*), а с другой – стремление к социальной справедливости, препятствующее созданию ситуации, когда *одному милость, а всем обида*. Поэтому милосердие следует проявлять «ко всем чувствующим созданиям Божьим. Не отделяй богатого от бедного, не старайся распознавать достойного от недостойного: пусть все люди будут для тебя равны для доброго дела», – учат святые отцы церкви [9. С. 103]. Высшим образцом милосердия является *Бог*, который *дает же и жиду, и злomu цыгану*. Однако то же чувство социальной справедливости побуждает оказывать помощь избирательно, помогая прежде всего тем, кто нуждается в этом более других: *Являй добро в тюрьме да в богадельне; Оденем нагих, обуем босых, накормим алчных, напоим жаждых – заслужим небесное царство; Кто сирых напитал, тот Бога знал; В окно (т.е. нищему) подать – Богу подать; Бедному (несчастному, т.е. наказанному преступнику) милость творить – с Господом Богом говорить*.

Сказанное позволяет сделать вывод о сложной структуре и опосредованном механизме действия нормы милосердия. Основываясь на идеале добра, она воздействует на человека посредством эмоции жалости, сострадания, возникающей от сознания несоответствия чьего-либо положения идеалу, и заставляет человека предпринимать активные действия для его утверждения, оказывая помощь тем, кто в ней нуждается. В то же время норма милосердия не требует от человека самопожертвования, но рекомендует опираться при выборе своего объекта на результаты сравнительной оценки, целью которой является сохранение преимущества того, кто оказывает помощь, перед тем, кто ее получает, во избежание ситуации, когда *Отдал убогий нищему последний пятак, а сам от богатого ушел и так*.

В связи с тем, что возможности оказать материальную помощь ближнему у рядового человека чаще всего реализуются в форме пожертвования или подаяния тем, кто находится в худшем, чем он, материальном положении, т.е. бедным и нищим, христианская церковь создала своеобразный свод правил, в котором поведение дающего милостыню регламентируется набором рекомендаций. С нашей точки зрения, представляет интерес тот факт, что все эти рекомендации отражены в русских пословицах, где посредством критики ситуаций их несоблюдения утверждается норма милосердия. В частности, одним из важнейших принципов милосердия является воздержание от упреков в адрес тех, кому требуется помощь. «Милосердие, – как определял препод-

добный Исаак Сирин, – ко всем сострадательно преклоняется: кто достоин худого с ним обращения, тому не воздается злом, а кто достоин доброго воздаяния, того преисполняет с избытком» [9. С. 99]. Поэтому «милостыню подавай без всяких подозрений, упреков и обвинений в праздности» [9. С. 107]. Этот совет многократно повторяется в русских пословицах: *Сделав добро, не кайся (не попрекай, не помни); Добрым делом не кори; Лучшие не дари, да после не кори*. Наиболее грубым нарушением этого правила является ситуация, когда *накормить не накормили, а укорить укорили*. Величина милостыни зависит от возможностей дающего и состояния берущего. Норма милосердия рекомендует не отдавать крайне необходимого, сначала отдать худшее и малочценное, раздавать не сверх силы [9. С. 112]. Эти требования и критика их нарушения нашли отражение в пословицах: *Чего немножко, того не мечи в окошко* (т.е. не подавай в качестве милостыни в окно); *По приходу не стыдно расход держать*. Наконец, весьма важным для русского православного человека является требование не подавать бедным нажитого неправдой. По его убеждению, *неправедные деньги – огонь; худом нажитое добра не сотворит*. Тот, кто и *Христовым именем (нищему) пятаки подает*, не совершает благодеяние, а грешит.

Бытовая регламентированность церковных принципов подаяния иногда вызывает критику со стороны неверующих, усматривающих в ней неуместный для христианина прагматизм и даже лицемерие. Однако в действительности этот порядок, как и закрепление основных правил подачи милостыни в народных пословицах, свидетельствует об активном и деятельном характере нормы милосердия и ее реальном присутствии в жизни русского православного человека.

Таким образом, русские языковые единицы, связанные с обозначением эмоции жалости, отражают существующие в языковом коллективе представления о трех типах норм: 1) о нормах, определяющих качество жизни человека; 2) правилах речевого поведения личности в условиях, когда качество ее жизни не соответствует этим нормам; 3) норме милосердия.

Качество жизни представляет собой ценностную категорию, следовательно, поддается оценке. Эта категория определяется по нескольким параметрам, включающим внешние условия жизни человека, а также его внутренний потенциал (состояние здоровья, наличие определенных способностей и т.д.). Эмоция жалости может быть вызвана ситуациями, когда качество жизни ее объекта оценивается субъектом жалости как не достигающее уровня, принятого в данном социуме в качестве нормы.

Если качество жизни человека не достигает нормы, он вправе рассчитывать на сочувствие и помощь со стороны других членов социума, выразив недовольство своим положением в виде *жалобы, сетования, пени*, а в случае, если это положение становится невыносимым, – *ропота*. При этом поведение субъекта жалобы регулируется следующими **правилами и этикетными нормами**.

1. Не следует жаловаться на низкое качество жизни, если виновником этого положения является сам субъект жалобы, особенно в тех случаях, когда он получал советы и предупреждения о возможности нежелательного исхода;

в этом случае субъект жалобы может только сожалеть о своих ошибках (*Пенять на себя самого*).

2. Следует воздерживаться от жалоб на незначительные отклонения от нормы качества своей жизни и не утомлять слушателей многословными или повторяющимися жалобами (не *ныть*, не *плакаться*, не *хныкать*). Смягчить нежелательное впечатление от жалобы помогают извинения, а также выражение ироничного отношения к ее содержанию со стороны ее субъекта.

3. Если субъект жалобы считает виновным в своем положении конкретного человека, предпочтительнее высказать свой упрек ему самому (*попенять кому*), чем третьим лицам (*пенять на кого*).

4. Недопустимо жаловаться на кого-либо с целью получить от этого выгоду (*ябедничать*, *кляузничать*, *фискалить*).

5. Уместно выразить сожаление по поводу утраты ценного для субъекта жалобы предмета (*жалеть о чем*), однако не следует проявлять скупость при необходимости поделиться чем-либо с теми, кто в этом нуждается (*жалеть чего-либо для кого-то*).

Норма милосердия предписывает проявлять искреннее сочувствие и оказывать деятельную помощь тем, кто в ней нуждается. Вместе с тем механизм оказания такой помощи подчиняется определенному регламенту.

1. Допустимо не придавать значения жалобам человека, нарушающего перечисленные выше правила (напр.: *Жаловался всем, да никто не слушает*).

2. Помогать следует прежде всего тем, кто нуждается в помощи больше других. При этом оказывать материальную поддержку рекомендуется только тем людям, которые находятся в худшем, чем дающий, положении, не расходуя на нее больше, чем позволяют возможности дающего (напр.: *Являй добро в тюрьме да в богадельне*).

3. Нормы речевого этикета требуют проявлять тактичность по отношению к объекту жалости и не использовать при общении с ним оценочные слова *бедный*, *жалкий* и т.п.; недопустимо также осуждать того, кому оказывается помощь (*попрекать куском хлеба*).

Литература

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956.
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
4. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 2 т. М., 1970.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
6. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997.
7. Шаховской, архиепископ Сан-Францисский Иоанн. Апокалипсис мелкого греха. СПб., 1997.
8. Свеишников В., протоиерей. Очерки христианской этики. М., 2001.
9. Черты деятельного благочестия по учению святых отцов православной церкви. СПб., 1996.
10. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1993.